

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 3—15
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.1

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 3—15
ББК 66.3(2Рос),4
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.1

ПОСТ-ПЕКИН: РОССИЙСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

О. А. Воронина

Институт философии, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
olga-voronina777@yandex.ru

Рассматривается гендерная политика государства в Российской Федерации в течение 25 лет, прошедших с IV Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995). Отмечается, что первоначально конференция и принятые на ней Декларация и Платформа действий оказали значительное влияние на продвижение принципа гендерного равенства в деятельность государства. Однако со временем формальное следование международным нормам стало дополняться мерами по поддержке женщины-матери в ущерб поддержке социально-экономических прав женщин. Как показывает мировая практика, экономический и политический прогресс более интенсивно происходит в обществах, которые отказываются от жестких традиционных социальных норм и ориентируются на ценности свободы, прав человека, саморазвития личности. Для доказательства этого тезиса автор обращается к данным, полученным в ходе Всемирного опроса по изучению ценностей. В заключение делается вывод, что для развития нашей страны необходимо вернуться к проведению политики гендерного равенства, соответствующей международным нормам и принципам, изложенным в Пекинской декларации и Платформе действий, а также во всех постпекинских документах. Один из основных акцентов следует сделать именно на внедрении культуры гендерного равенства в общественное сознание и на преодолении традиционных социальных норм и культурных установок, которые создают и воспроизводят сексистские предрассудки и социальные практики.

Ключевые слова: гендер, женщины, политика, культура, социальные нормы, ценности, равенство, Пекинская декларация и Платформа действий, сексизм.

POST-BEIJING: RUSSIAN GENDER POLICY IN THE INTERNATIONAL CONTEXT

O. A. Voronina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, olga-voronina777@yandex.ru

The article examines the gender policy of the state in the Russian Federation during the 25 years since the IV UN World Conference on Women (Beijing, 1995). It is noted that initially the conference and the Declaration and Platform for Action adopted at it had a significant impact on the promotion of the principle of gender equality in the activities of the state. However, over time, formal adherence to international norms has been supplemented by measures to support mother women at the expense of supporting their socio-economic rights. As world practice shows, economic and political progress is more intensive in societies that reject rigid traditional social norms and focus on the values of freedom, human rights, and personal self-development. To prove this thesis, the author refers to the data obtained in the world survey on the study of values. In conclusion, the author points out that for the development of our country, it is necessary to return to the implementation of gender equality policies in accordance with international norms and principles set out in the Beijing Declaration and Platform for Action, as well as in all Post-Beijing documents. One of the main focuses should be on the introduction of a culture of gender equality in the public consciousness and on overcoming traditional social norms and cultural attitudes that create and reproduce sexist biases and social practices.

Key words: gender, women, politics, culture, social norms, values, equality, Beijing Declaration and Platform for Action, sexism.

В сентябре 2020 г. исполняется 25 лет со времени проведения IV Всемирной конференции ООН по положению женщин. Хотелось бы вкратце рассмотреть, как в нашей стране строилась гендерная политика за прошедший период, подвести итоги и оценить сегодняшнюю ситуацию.

Значение Пекинской конференции заключается в том, что она стала своеобразным итогом в понимании гендерного равенства и важным этапом в формировании мировой повестки по этому вопросу. И не только потому, что в ней приняли участие официальные делегации 189 стран мира, а параллельно прошел Форум неправительственных организаций, в котором участвовали около 40 000 женщин. Более значимым является тот факт, что в принятых документах — Пекинской декларации и Платформе действий — обозначен переход от программ по улучшению положения женщин (которые ООН развивала ранее) к идее *гендерного равенства*. В Декларации провозглашается, что «права женщин являются правами человека» [Пекинская декларация... , 1995: 14], что государствам необходимо «обеспечивать женщинам и девочкам возможность полностью пользоваться всеми правами человека и основными свободами» [там же: 23]. Государства взяли на себя обязательства принимать меры против нарушения этих прав и свобод, а также содействовать устранению всех препятствий на пути достижения гендерного равенства (ст. 24). Особенно важна статья 32, где борьба с дискриминацией женщин по признаку пола связывается с необходимостью учитывать усиливающую ее дискриминацию на основании расы, этнической

принадлежности, возраста, культуры, инвалидности, т. е. с иными факторами стратификации, действующими в современных обществах.

Платформа действий оценивает равноправие женщин и мужчин как условие обеспечения социальной справедливости. Важно подчеркнуть, что, *делая акцент на равенстве, Платформа не трактует его как схожесть или тождественность женщин с мужчинами. Различия признаются существующими, но понимаются не как биологическая предопределенность, а как следствие социально детерминированных ролей каждого из полов.* В тексте Платформы постепенно совершается переход от понятия «равноправие женщин с мужчинами» (что трактуется как «подтягивание» женщин до мужского статуса) к понятию *гендерного равенства. Это предполагает учет гендерных, т. е. социально сконструированных, различий.* Одновременно с этим в Платформе действий сохраняется и акцент на защите женских прав, что связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, в процессе многолетней подготовки текста участвовали как специальные структуры ООН, так и представители различных женских и феминистских организаций, стоящие подчас на противоположных позициях на оси «равенство/различие» или «равное/дифференцированное обращение». Поскольку документ такого рода принимается только на основе достигнутого консенсуса, то в нем нередко сочетаются разные (хотя и смягченные) позиции. Во-вторых, Платформа действий — это программа самого общего плана, нацеленная на констатацию возможно большего числа проблемных зон и улучшение положения женщин во всем мире, в любой стране. Платформа действий предложила правительствам, международному сообществу и гражданскому обществу принять до 2000 г. меры для улучшения ситуации в 12 проблемных областях.

Гендерная повестка в России

Участие официальной делегации в конференции и присоединение Российской Федерации к Пекинской декларации и Платформе действий привели к принятию ряда документов и разработке некоторых новых мер по улучшению положения женщин. Это было тем более обоснованно, что с началом экономических реформ сильнее стала проявляться дискриминация в сфере труда и занятости, резко возросли нарушения прав женщин и женская безработица, ухудшилось их материальное положение.

В целом государственная политика тех лет развивалась в трех основных направлениях: создание национальных планов действий; формирование структур, ответственных за обеспечение улучшения положения женщин (элементы национального механизма); законодательные инициативы. Коротко напомним основные вехи. В 1996 г. был издан ряд указов Президента и постановлений Правительства относительно социально-экономического статуса женщин, в том числе принята Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации [Правовая основа... , 1998: 65—80]. Из 12 проблемных областей, обозначенных в Пекинской Платформе действий, в Концепции в качестве значимых для нашей страны выбраны 5: соблюдение прав женщин в единстве с правами и основными свободами человека, участие женщин в принятии решений на всех уровнях, обеспечение равных условий на рынке труда, охрана здоровья женщин, борьба с насилием в отношении женщин. Следует отметить два позитивных

момента этого документа: признание прав женщин как прав человека (новый акцент в российских официальных документах) и выдвижение задачи обеспечения равных условий на рынке труда. Цель повысить представленность женщин в органах власти и участие женщин в процессе принятия решений ставится весьма общим планом. 5 выделенных проблем определяются как «важнейшие особенности статуса женщин, вызывающие особую озабоченность в РФ» (ст. 1). В Концепции содержатся стратегические цели и основные подходы к их реализации. К сожалению, авторы Концепции не признали значимость такой задачи (выделенной в Пекинских документах), как преодоление стереотипных образов женщин и традиционного разделения гендерных ролей. Отсутствие внимания к этому аспекту нашей жизни привело к тому, что многие инициативы в области гендерного равенства имели фактически двойственный характер: формально они как бы соответствовали принятым международным нормам, а в реальности все равно опирались на убеждение в незыблемости традиционных женских ролей.

Остановимся подробнее. Так, например, в 1996 г. был принят Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г., а затем Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе на 2001—2005 гг. Если в первом Плане смешаны два подхода — продвижение гендерного равенства и «помощь женщине-матери, женщине-труженице», то второй План представляет собой уже значительный отход от позиции гендерного равенства. В нем женщины рассматривались только как работницы и матери. Улучшение их положения в обществе связывалось с улучшением условий труда, с помощью в адаптации к безработице, с охраной репродуктивного здоровья, с помощью женщинам как жертвам сексуального насилия, с пропагандой семейных ценностей. Такие проблемы, как экономическая дискриминация женщин, их отчуждение от сферы принятия решений и низкая представленность в структурах власти, вообще не были отражены в Национальном плане 2001—2005 гг. Соответственно отсутствовали и мероприятия по преодолению такого положения дел, и акции для достижения гендерного равенства. Это явилось следствием принятой в РФ политики в отношении женщин, нацеленной, как констатировала тогдашний заместитель руководителя Департамента по делам семьи, женщин и детей Минтруда России, на «обеспечение условий для гармоничного сочетания профессиональных и семейных обязанностей через развитие социальной инфраструктуры» [Самарина, 2000: 13].

Помимо Планов и Концепции, непосредственно под влиянием рекомендаций Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДОЖ) и Пекинских документов в РФ стали создаваться различные государственные структуры: Межведомственная Комиссия по вопросам улучшения положения женщин; Комитет по делам женщин, семьи и молодежи Государственной думы; Отдел социально-экономического положения женщин Департамента по делам семьи, женщин и детей Министерства труда и социального развития РФ; отдел по вопросам женщин, семьи, молодежи в аппарате Уполномоченного по правам человека. Данные структуры обычно считаются элементами Национального механизма по улучшению положения женщин. Однако в РФ статус Национального механизма не был юридически определен, не были проработаны вопросы разделения и координации деятельности этих структур.

Под влиянием Пекинской конференции в России начался этап создания новых документов в сфере законодательства. В 1997 г. группа экспертов по инициативе Комитета Госдумы по делам женщин, семьи и молодежи подготовила Концепцию законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, которая затем была одобрена Государственной думой Федерального собрания РФ [Правовая основа... , 1998: 7—61]. В преамбуле авторы отмечали, что в России на фоне формально-юридического равенства прав женщин и мужчин существует фактическое неравенство женщин в ряде сфер жизни. В значительной степени это обусловлено отсутствием равных для мужчин и женщин возможностей в реализации своих конституционных прав и свобод. Цель Концепции состояла в определении общей стратегии и приоритетных направлений «законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и свобод мужчин и женщин и созданию равных возможностей для их реализации в соответствии с Конституцией РФ, законодательством РФ и международными обязательствами РФ и с учетом реальной политической и социально-экономической ситуации в стране» [там же: 11—12]. В Концепции рассматривалось несколько вопросов: неравенство политического представительства и участия женщин в процессе принятия решений; социально-трудовые права; предотвращение насилия и личная безопасность; охрана репродуктивного здоровья, материнства и отцовства; государственный механизм обеспечения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. В заключение предлагался список проектов законов, которые, с точки зрения инициаторов, необходимо было бы разработать, и комплекс мер по реализации законодательных актов. В целом авторы Концепции постарались последовательно провести принцип равенства возможностей через текст всего документа.

Вскоре по инициативе председателя Комитета Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи Е. Ф. Лаховой группа экспертов во главе с С. В. Полениной разработала проект Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Их цель заключалась в создании рамочного закона для обеспечения формально-равных условий реализации конституционных прав и свобод женщин и мужчин. В законопроекте давалось определение понятий в соответствии с КЛДОЖ и намечались этапы формирования национального механизма. Весной 2003 г. законопроект прошел первое чтение в Думе.

Форум неправительственных организаций, который проходил в Пекине параллельно с официальной конференцией, оказал огромное влияние на развитие российских женских неправительственных организаций (НПО). Благодаря грантовой поддержке со стороны западных благотворительных фондов, аккредитованных в то время в России, в Форуме приняли участие представительницы 250 общественных и научных организаций. Дискуссии, в которых участвовали наши соотечественницы, сам дух Конференции ООН и Форума НПО дали невероятный импульс развитию женского социального активизма и гендерным исследованиям. По данным Е. В. Кочкиной, к середине 2000-х гг. в 100 вузах читались курсы по гендерной проблематике, в 40 вузах существовали структурные подразделения в виде программ или центров, в 9 институтах РАН были созданы лаборатории или рабочие группы по гендерным исследованиям, в стране

работало 15 независимых центров гендерных исследований. Было проведено около 3000 эмпирических исследований гендерных проблем [Кочкина, 2006: 96—97]. Благодаря усилиям ученых, экспертов, женских активистов, прогрессивных СМИ отношение общества к проблемам сексизма и традиционным стереотипам стало меняться, идея гендерного равенства находила все больше сторонников, особенно среди молодежи.

Однако в последние годы ситуация несколько изменилась. В официальных документах мы видим, с одной стороны, приверженность международным принципам гендерного равенства, а с другой — усиление акцентов на материнской роли женщин и снижение значимости их социальных ролей. Эту двойственность в полной мере демонстрирует Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., утвержденная Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым в 2017 г. В первых абзацах Стратегии отмечается, что она «нацелена на реализацию принципа равных прав и свобод мужчины и женщины и создание равных возможностей для их реализации женщинами в соответствии с положениями Конституции РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ. ...Создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни общества является приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации». Однако в целом дискурс документа, а также предлагаемые меры демонстрируют поддержку государством традиционной гендерной системы. В нем утверждается, что в обществе «наиболее значимыми социальными ролями женщины признаются роли домохозяйки и матери, а профессиональные и карьерные достижения остаются второстепенными» [Национальная стратегия..., 2017: 8]. Различные меры «по укреплению позиций женщин» так или иначе привязываются к идее помощи женщине-матери: увеличение материнского капитала; создание благоприятных условий для совмещения семейных обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью; повышение качества медицинской помощи женщинам в период беременности и родов и т. п. Даже в сфере поддержки гражданского общества и женских НПО в Стратегии отмечается, что такую поддержку в виде грантов будут получать организации, реализующие проекты «по укреплению института семьи и семейных ценностей, охране и поддержке материнства» [там же, 2017: 4]. Конечно, для российских женщин материнство является значимой ценностью и его поддержка со стороны государства чрезвычайно важна. Нисколько не отрицая необходимости такой поддержки в ряде конкретных случаев, я тем не менее считаю сведение всей социальной политики только к данной проблеме неправомерным.

В РФ женщины составляют около половины занятых на рынке труда, где они сталкиваются с проявлением дискриминационных практик: неравной оплатой труда, препятствиями на пути карьеры, трудностями сочетания профессиональной и семейной (материнской) жизни. Нередко в основе этих феноменов лежат традиционные гендерные стереотипы. Национальная стратегия никак не привязана к тем 5 проблемным областям, которые ранее РФ выбрала из Пекинской Платформы действий в качестве приоритетных для нашей страны. В Стратегии не запланированы меры по обеспечению равных условий на рынке труда

или повышению роли женщин в политической сфере. Недостаточно внимания уделено решению проблемы преодоления насилия в отношении женщин, которая стала в последнее время весьма значимой.

В рамках процесса «Пекин+25» в секретариат ООН был направлен Доклад Российской Федерации о достигнутых успехах и возникших проблемах в деле осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и итоговых документов 23-й спецсессии ГА ООН (2019 г.). Доклад в значительной степени воспроизводит дискурс и описание направлений деятельности, представленные в Национальной стратегии. Достижения в области улучшения положения женщин связываются с выполнением мер, намеченных в Концепции демографической политики РФ, Национальной стратегии действий в интересах детей, Концепции государственной семейной политики в РФ и Национальной стратегии действий в интересах женщин. Ориентация на материнство как главную область политики государства «в интересах женщин» прослеживается во всем тексте Доклада. В ответе на вопрос¹ о том, «каковы основные пять приоритетов в деле ускорения прогресса в отношении женщин и девушек посредством законов, политики и/или программ за последние пять лет», российская сторона упоминает 1) расширение мер финансовой поддержки семей с детьми, 2) создание условий для занятости женщин, имеющих малолетних детей, 3) снижение материнской и младенческой смертности, числа аборт. Практически во всех областях, которые описываются в Докладе, — занятость, здравоохранение, социальная активность и другие, — все программы и меры социальной политики привязаны к облегчению выполнения женщиной своей материнской роли [Доклад Российской Федерации... , 2019].

С сожалением приходится констатировать, что, хотя РФ формально демонстрирует на международном уровне приверженность Пекинской декларации и Платформе действий, содержательно внутренняя политика постепенно развернулась в сторону традиционной поддержки «женщины-матери». При этом упускается из виду, что не следует сводить родительство только к материнству. Современная семья строится на более эгалитарных основаниях, чем традиционная. И семейная политика должна формироваться с учетом этих новых реалий [Воронина, 2016].

Гендерная повестка на будущее

Как известно, Президент РФ В. В. Путин поставил задачу вхождения России в число пяти крупнейших экономически развитых стран мира. Достичь этого можно при условии модернизации общества.

Вопрос о роли традиций и новаций в жизни общества является темой многочисленных дискуссий. Очевидно, что общество и культура не развиваются линейно, движение вперед иногда сменяется движением вспять. Общественный прогресс как движение к экономическому развитию, материальному благосостоянию, политической демократии и социальному равенству² весьма сильно зависит от исторического прошлого и культурного наследия страны. В самом общем

¹ Доклад имеет формализованную структуру и строится в виде ответов на вопросы, общие для всех стран.

² Я использую здесь краткую, но емкую формулировку, данную С. Хантингтоном [Культура имеет значение, 2002: 11].

виде культура может пониматься как совокупность господствующих в обществе ценностей, установок, верований, убеждений, норм и ритуалов, которая создает картину мира. Идея о том, что культурные ценности могут способствовать или препятствовать общественному прогрессу, впервые была высказана М. Вебером, объяснившим подъем капитализма протестантской этикой. С тех пор многие интеллектуалы следуют этой позиции. Так, например, А. де Токвиль полагал, что эффективность американской политической системы обусловлена «культурой демократии». Э. Банфилд описал культурные причины убогости и авторитаризма в Южной Италии и сделал из этого частного случая далеко идущие выводы. Перуанский писатель М. В. Льюса в книге «Отсталость как состояние ума: случай Латинской Америки» утверждает, что экономические, образовательные и правовые реформы, необходимые для модернизации Латинской Америки, не станут эффективными до тех пор, «пока им не будет предшествовать преобразование обычаев и традиций, всего сложного комплекса привычек, знаний, образов и форм, которые в совокупности составляют культуру» (цит. по: [Культура имеет значение, 2002: 292]). Аналогичные идеи высказывают и многие другие исследователи культуры из развивающихся стран.

Масштабное эмпирическое исследование влияния культуры на общественный прогресс было проведено в ходе Всемирного опроса по изучению ценностей³. Анализ полученных данных показал, что экономическое развитие более интенсивно происходит в обществах, для которых характерен отказ от жестких традиционных социальных норм и приверженность более рациональным и гибким модернистским и постмодернистским ценностям. Протестантская, православная, исламская или конфуцианская цивилизации, выделенные и описанные С. Хантингтоном [Хантингтон, 2003], опираются на разные системы ценностей, которые могут способствовать или препятствовать экономическому и политическому прогрессу в рамках этих цивилизаций. По мнению аналитиков Всемирного опроса, упорядочивание показателей межкультурной вариативности показывает, что есть две оси, разделяющие культуры. Одна — между традиционным и секулярно-рациональным отношением к власти, а вторая — между приоритетами ценностей выживания и самовыражения. Каждая из таких осей формирует вокруг себя множество соответствующих ценностей и установок. Традиционное и секулярно-рациональное мировоззрения определяют не только статус религии в обществе, но и отношение к патриархальным принципам почтения по отношению к власти. Так, общества с традиционалистской культурой поощряют религию, незыблемые социальные нормы и устоявшиеся семейные ценности (моногамный брак, многодетность), отвергают разводы, запрещают аборт и эвтаназию. В таких культурах поддерживаются ценности уважения к власти, конформизма и отказа от политической конфронтации, национальной гордости и патриотизма. Общества, разделяющие секулярно-рациональные ценности, занимают прямо противоположные позиции. Как отмечается в исследовании, эти закономерности постоянно воспроизводят себя в 60 странах [Культура имеет значение, 2002: 108—111].

Выбор в качестве приоритета ценностей выживания или самовыражения в значительной степени обусловлен уровнем экономического развития. Для тех

³ World Values Survey (WVS) проводится в 65 государствах и охватывает 75 % населения планеты.

обществ, где преобладают ценности выживания, характерны низкий уровень благосостояния, поддержка политического авторитаризма, нетерпимость к инакомыслию, отказ от принципа гендерного равенства, игнорирование экологических проблем, низкие показатели здоровья населения. Культура самовыражения формируется там, где обеспечены экономическая и физическая безопасность, высокое качество жизни. В таких обществах высока ценность индивидуальных прав и свобод, демократии, толерантности к инакомыслию; там поддерживаются феминизм и гендерное равенство, экологические инициативы, высока степень политического и социального активизма граждан. Ориентация на ту или иную разновидность ценностей имеет важные последствия: государства, в которых господствуют ценности самовыражения, более успешно идут по пути прогресса.

Исследователи отмечают, что для культуры России даже сегодня характерно сохранение значительной части традиционных ценностей; «традиционный пласт культуры... уходит в подпочву... просвечивает из глубины и находится на уровне не всегда очевидных, но очень важных интенций» [Яковенко, 2017: 4]. Одним из таких традиционных пластов культуры является биодетерминизм в определении гендерных ролей, основанный на идее, что «мир — дом мужчины», а «дом — мир женщины». Это влечет за собой гендерно-стратифицированную социальную систему и соответствующую ей символическую презентацию женщины и фемининности как вторичного по сравнению с маскулинностью.

Советская модернизация не смогла до конца преодолеть традиционное патриархатное сознание, которое базируется на убеждении в естественности и неизбежности гендерных различий. В процессе политических реформ в XX и XXI вв. эта идея иногда отступала в тень, но никогда не исчезала совсем. Во многом это происходило благодаря русской классической литературе и философии Серебряного века, которые сформировали специфическую российскую символическую матрифокальную систему [Воронина, 2018: 27—47]. В постсоветский период эти ценности также сохранились и даже отчасти усилились, поскольку рост в 1990-х гг. безработицы и конкуренции за рабочие места спровоцировал усиление на бытовом уровне традиционных стереотипов о семейном предназначении женщин [Кашина, 2019].

Достижение гендерного равенства невозможно без изменения традиционного сознания, преодоления культурных стереотипов и предубеждений. Об этом говорится и в КЛДОЖ, и в Пекинских документах, и в целом ряде других международных актов и конвенций, участником которых является РФ. В связи с этим нашему государству следует нацеливать культурную политику на искоренение предрассудков, обычаев и любых социальных практик, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов. Как отмечается в КЛДОЖ, государство обязано содействовать устранению гендерных стереотипов в культурной практике, особенно в образовании и воспитании (путем пересмотра учебных пособий и школьных программ), преодолению сексизма в СМИ, рекламе и массовой культуре (КЛДОЖ, ст. 10). Отечественные исследователи неоднократно доказывали наличие гендерных стереотипов и сексизма в образовании — начиная со школьного и заканчивая высшим [Барчунова, 1995; Смирнова, 2005; Гендерная экспертиза... , 2005]. Опрос школьников, проведенный несколько лет назад, показал, что школьные учителя фактически

используют гендерно-сегрегированную методику обучения и воспроизводят в педагогической деятельности гендерные стереотипы: «Учителя-женщины говорили о том, что девочкам главное — найти хорошего мужа, а хорошо учиться — это дело второе» [«Ты же будущий боец!», 2016].

Анализ деятельности СМИ и рекламы, проводимый как исследователями, так и самими журналистами, также показывает распространенность традиционных гендерных стереотипов. Необходимо проанализировать и внести дополнения в действующее законодательство о СМИ, исходя из принципов обеспечения гендерного равенства, искоренения сексизма и стереотипного изображения женщин и мужчин, предотвращения презентации в СМИ порнографии и насилия в отношении женщин. В основе создания этих правовых норм должны лежать идеи общественного блага и социальной ответственности СМИ, как это принято во многих странах.

Необходимость дальнейшего развития культурной политики по преодолению дискриминационных в отношении женщин взглядов не раз отмечалась экспертами ООН после представления РФ Национального доклада о соблюдении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (доклад представляется раз в 4 года). Так, на 46-й сессии Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин было отмечено, что Комитет вновь заявил о своей озабоченности тем, что в РФ сохраняются «практики, традиции, патриархальные устои и глубоко укоренившиеся стереотипы в отношении роли, обязанностей и идентичности женщин и мужчин во всех сферах жизни» (www.un.org). Комитет предложил России как государству — участнику Конвенции принять более эффективные и систематические меры для преодоления стереотипов и негативных традиционных ценностей и практик.

Неизбежным следствием ослабления внимания государства к поддержке принципа гендерного равенства стало снижение рейтинга России в индексе гендерного неравенства, который ежегодно представляется на Всемирном экономическом форуме. Так, если в 2006 г., когда впервые стали составлять этот индекс, РФ занимала 49-е место, а в 2010 г. поднялась даже на 45-е [Global Gender Gap Index 2010, 2010], то в 2019 г. наша страна заняла только 81-е место [Global Gender Gap Index 2019, 2019]!

Очевидно, что акцент на традиционных гендерных нормах: семейная иерархия с мужским господством и покорностью жены и детей, многодетность, дифференцированное воспитание и образование мальчиков и девочек — не соответствует современному обществу знаний, цифровых технологий, развитой экономики. Вопрос о гендерном равенстве — не частное дело группы некоторых озабоченных женщин. Современный мир давно развивается в направлении признания прав человека как главного достижения культуры [Бенхабиб, 2003]. Более того, даже если отвлечься от гуманистических ценностей и обратиться к утилитаризму, то и там мы найдем доказательства необходимости соблюдения гендерного равенства. Так, например, ряд международных экспертов доказал экономические преимущества от применения политики гендерного равенства [Женщины, труд и экономика, 2013].

Для развития нашей страны необходимо вернуться к проведению политики гендерного равенства, соответствующей международным нормам и принципам, изложенным в Пекинской декларации и Платформе действий, а также

во всех постпекинских документах. Один из основных акцентов следует сделать именно на изменении социальных норм и культурных установок, которые создают и воспроизводят сексистские предрассудки. Конечно, это непростая задача не только для нашей страны. В докладе «Перспективы развития человеческого потенциала. Борьба с социальными нормами: изменение правил игры в отношении гендерного неравенства», подготовленном в соответствии с Программой развития ООН в 2020 г., отмечается: «Гендерные диспропорции являются устойчивой формой неравенства в каждой стране. Несмотря на значительный прогресс в некоторых областях, ни одна страна в мире — богатая или бедная — не достигла полного равенства. <...> В год празднования 25-й годовщины принятия Пекинской декларации и Платформы действий мы с сожалением констатируем, что мир не достигнет гендерного равенства к 2030 г. Но сегодня мы можем оценить проделанный путь, скорректировать свои действия, выявить и устранить недостатки» [Human Development Perspectives... , 2020]. Одной из важнейших, но нерешенных на сегодня задач авторы доклада считают преодоление дискриминационных социальных норм и стереотипов. Подчеркивается, что такие социальные нормы и сопутствующие им ценности, убеждения, установки и практики формируют гендерную идентичность и определяют неравные властные отношения между женщинами и мужчинами. Нормы также определяют социально приемлемые или недопустимые формы поведения, выбор профессии, права и свободы человека. Именно поэтому, подчеркивается в докладе, недопустимо пренебрегать «невидимой силой» таких норм. Необходимо активно трансформировать дискриминационные социальные практики, внедряя культуру гендерного равенства прежде всего в общественное сознание. И для нашей страны, я полагаю, это также важнейшая социальная и культурная задача. Без ее решения, на мой взгляд, невозможно формирование современного общественного сознания и вхождение России в ряд развитых стран мира.

Библиографический список

- Барчунова Т. Сексизм в букваре // Экономика и организация промышленного производства. 1995. № 3. С. 133—155.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Воронина О. А. Метаморфозы гендерной политики государства // Проблемы российского самосознания: политика и культура: материалы 13-й Всероссийской научной конференции / под общ. ред. Т. С. Злотниковой, С. А. Никольского. Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т, 2016. С. 157—170.
- Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. М.: Ин-т философии РАН, 2018. 111 с.
- Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / под ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ: Солтэкс, 2005. 260 с.
- Доклад Российской Федерации о достигнутых успехах и возникших проблемах в деле осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и итоговых документов 23-й сессии ГА ООН. 2019. URL: <https://www.rosmintrud.ru> (дата обращения: 10.03.2020).

- Женщины, труд и экономика: макроэкономические выгоды гендерного равенства: документ персонала МВФ для обсуждения. 2013. URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 10.03.2020).
- Кашина М. А. Советская и постсоветская политика в отношении женщин: общее и особенное // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 3—11.
- Кочкина Е. В. Гендерные исследования в России: от фрагментов к критическому переосмыслению политических стратегий // Гендерные исследования. 2006. № 15. С. 92—143.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002. 320 с.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. 2017. URL: <https://www.rosmintrud.ru> (дата обращения: 10.03.2020).
- Пекинская декларация и Платформа действий. Четвертая Всемирная конференция по положению женщин, Пекин, Китай, 4—15 сентября 1995 года. ООН, 1995.
- Правовая основа обеспечения равных прав мужчин и женщин и равных возможностей их реализации. М.: Изд. отд. УД ГД РФ, 1998. 139 с.
- Самарина О. Социальная защита женщин и семейная политика в современной России // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 3—15.
- Смирнова А. Учимся жить в обществе: гендерный анализ школьных учебников. М.: Олита, 2005. 68 с.
- «Ты же будущий боец!»: как обстоят дела с гендерными стереотипами в школе. 2016. URL: <https://www.daily.afisha.ru> (дата обращения: 01.03.2020).
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Знание, 2017. 642 с.
- Global Gender Gap Index 2010. 2010. URL: https://www.WEF_GenderGap_Report_2010 (дата обращения: 15.03.2020).
- Global Gender Gap Index 2019. 2019. URL: https://www.WEF_GenderGap_Report_2019 (дата обращения: 15.03.2020).
- Human Development Perspectives. Tackling Social Norms: a Game Changer for Gender Inequalities. 2020. URL: <http://hdr.undp.org> (дата обращения: 27.03.2020).

References

- Barchunova, T. (1995) Seksizm v bukvarе [Sexism in the primer], *Экономика и организациа promyshlennogo proizvodstva*, no. 3, pp. 133—155.
- Benkhabib, S. (2003) *Pritiazaniia kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuu eru* [The claims of culture. Equality and diversity in the global era], Moscow: Logos.
- Global Gender Gap Index 2010* (2010), available from http://www.WEF_GenderGap_Report_2010 (accessed 15.04.2020).
- Global Gender Gap Index 2019* (2019), available from http://www.WEF_GenderGap_Report_2019 (accessed 15.03.2020).
- Human Development Perspectives. Tackling Social Norms: a Game Changer for Gender Inequalities* (2020), available from <http://hdr.undp.org> (accessed 27.03.2020).
- Iakovenko, I. G. (2017) *Poznanie Rossii: Tsivilizatsionnyĭ analiz* [Cognition of Russia: Civilizational analysis], Moscow: Znanie.
- Kashina, M. A. (2019) *Sovetskaia i postsovetskaia politika v otnoshenii zhenshchin: obshchee i osobnoe* [Soviet and Post-Soviet policy towards women: general and special],

- in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naiia politika: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3—11.
- Khangtington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsiĭ* [Clash of civilizations], Moscow: AST.
- Kochkina, E. V. (2006) Gendernye issledovaniia v Rossii: ot fragmentov k kriticheskomu pereosmysleniiu politicheskikh strategiĭ [Gender studies in Russia: from fragments to critical rethinking of political strategies], *Gendernye issledovaniia*, no. 15, pp. 92—143.
- Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu* (2002) [Culture matters. How do values contribute to social progress], Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniĭ.
- Natsional'naiia strategiia deĭstviĭ v interesakh zhenshchin na 2017—2022 gg.* (2017) [National strategy for action for women 2017—2022], available from <http://www.rosmintrud.ru> (accessed 10.03.2020).
- Pekinskaia deklaratsiia i Platforma deĭstviĭ. Chetvĕrtaia Vsemirnaia konferentsiia po polozheniiu zhenshchin, Pekin, Kitaĭ, 4—15 sentiabria 1995 goda* (1995) [Beijing Declaration and Platform for Action. Fourth World Conference on Women, Beijing, China, 4—15 September 1995], OON.
- Pravovaia osnova obespecheniia ravnykh prav muzhchin i zhenshchin i ravnykh vozmozhnostei ikh realizatsii* (1998) [Legal base to provide men and women with equal rights and equal possibilities to fulfill it], Moscow: Izdatel'skii otdel Upravleniia delami Gosudarstvennoi dumy Rossiĭskoi Federatsii.
- Samarina, O. (2000) Sotsial'naiia zashchita zhenshchin i semeĭnaia politika v sovremennoi Rossii [Social protection of women and family policy in modern Russia], *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 3—15.
- Smirnova, A. (2005) *Uchimsia zhit' v obshchestve: Gendernyi analiz shkol'nykh uchebnikov* [We learn to live in society: Gender analysis of school textbooks], Moscow: Olita.
- "Ty zhe budushchiĭ boets!": kak obstoiat dela s gendernymi stereotipami v shkole* (2016) ["You're a future fighter!": how things are with gender stereotypes in school], available from <https://www.daily.afisha.ru> (accessed 01.03.2020).
- Voronina, O. A. (ed.) (2005) *Gendernaia ekspertiza uchebnikov dlia vysshei shkoĭy* [Gender expertise of textbooks for higher education], Moscow: Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ: Solteks.
- Voronina, O. A. (2016) Metamorfozy gendernoi politiki gosudarstva [Metamorphoses of gender policy of the state], in: *Problemy rossiĭskogo samosoznaniia: politika i kul'tura: Materialy 13-i Vserossiĭskoi nauchnoi konferentsii*, Iaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 157—170.
- Voronina, O. A. (2018) *Gendernaia kul'tura v Rossii: traditsii i novatsii* [Gender culture in Russia: traditions and innovations], Moscow: Institut filosofii Rossiĭskoi akademii nauk.

Статья поступила 31.03.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Воронина Ольга Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).